

ВЕЛИКАЯ ДИДАКТИКА

Я. А. КОМЕНСКАГО.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ

«НАША НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА»

на

1875 годъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Янъ Амосъ Коменскій, великій славянскій мыслитель-педагогъ, принадлежитъ къ гениальнѣйшимъ представителямъ педагогическаго міра. *Чехъ* по происхожденію, горячій патріотъ, страдалецъ и безпріютный странникъ на землѣ, онъ отдалъ жизнь свою благу человѣчества, которое онъ видѣлъ въ разумномъ воспитаніи молодыхъ поколѣній. Обнимая въ своей системѣ глубочайшія основы воспитанія и обученія, Коменскій является величайшимъ педагогомъ *всѣхъ временъ*. «Амосъ Коменскій (пишетъ одинъ изъ нашихъ педагогическихъ писателей, трудамъ котораго русская публика обязана первымъ знакомствомъ съ идеями гениальнаго педагога-мыслителя) есть истинный родоначальникъ и основатель современной педагогической науки, составляющей славу и гордость нашихъ дней. Славянская мысль въ лицѣ Коменскаго тоже сдѣлала для педагогики, что въ лицѣ Коперника (также Славянина) она совершила для астрономіи». Въ этомъ смыслѣ Коменскій есть истинный «Коперникъ педагогическаго Космоса».

Другой изъ нашихъ педагоговъ пишетъ: «*Эллинъ Платонъ и славянинъ Коменскій* — вотъ двѣ основныя педагогическія эпохи, которыя дѣйствительно внесли въ міръ новыя педагогическія начала».

Такой взглядъ не преувеличенъ и раздѣляется даже нѣмецкими учеными педагогами, не охотно признающими чужой авторитетъ въ той области, которую они считаютъ исключительно своимъ достояніемъ.

Такъ, извѣстный историкъ *Раумеръ* признаетъ Коменскаго «универсальнымъ педагогическимъ гениемъ» и говоритъ, что глубокія основы воспитанія и обученія у Коменскаго развиты и выражены имъ въ такой полнотѣ и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, что въ этомъ отношеніи вся послѣдующая педагогія получила лишь очень незначительныя и второстепенныя приращенія. «Вліяніе Коменскаго, на позднѣйшихъ педагоговъ, пишетъ Раумеръ, неизмѣримо. Конечно, часто бываетъ трудно рѣшить, знали ли они Коменскаго или же сами нашли тѣ же начала. У Руссо, Базедова и Песталотци мы найдемъ много такого, что уже *раньше сказалъ Коменскій*». «Педагогическій идеалъ Коменскаго такъ совершенъ и полонъ, что, по мнѣнію Раумера, всѣ новѣйшія усовершенствованія воспитанія еще далеко не осуществляютъ его». Того же мнѣнія о Коменскомъ *К. Шмитъ*. къ этому прибавимъ, что сличая, напр., «Основныя начала воспитывающаго обученія» Дистервега съ трудами Коменскаго, мы въ послѣднихъ находимъ *дословно* выраженными тѣ положенія, открытіе которыхъ принято усваивать нѣмецкому гению.

Болѣе двухъ вѣковъ прошло со времени Коменскаго, и только въ послѣднее время начали цѣнить его заслуги въ исторіи науки о воспитаніи. Это явленіе понятно относительно нѣмцевъ: они такъ долго пользовались славой педагогическихъ учителей всего міра, такъ привыкли чтить своихъ Франка, Базедова, Песталотци *отцами* современной педагогіи,—что не въ ихъ интересѣ признать *первенство* въ этой области *славянскаго* гения и, такимъ образомъ, своихъ «отцовъ и учителей» разжаловать въ дѣтей и учениковъ. Но по отношенію къ славянскому міру—столь продолжительное забвеніе роднаго гениальнаго мужа непонятно и можетъ быть объяснено развѣ свойственною славянской расѣ беззаботностью, отчасти недостаткомъ вниманія къ своему историческому прошлому. Какъ бы то ни было, 200 лѣтъ нужно было пройти,—чтобы міръ педагогическій снова озаренъ былъ сіяніемъ гениальной мысли изъ далекаго прошлаго. Празднованіе 200-лѣтія Коменскаго точно всѣхъ пробудило. Не только Чехи постарались издать труды роднаго своего педагога, но и Нѣмцы потщились

перевести его «Великую Дидактику» и торжественно признали историческое значеніе ея автора въ исторіи педагогіи. Съ этого же времени и у насъ начинается извѣстность Коменскаго *), до того времени даже и по имени у насъ почти неизвѣстнаго.

Одною, впрочемъ, изъ причинъ поздняго знакомства нашего съ Коменскимъ слѣдуетъ признать *рѣдкость* его сочиненій, а равно и то, что они писаны на *латинскомъ языкѣ*, недоступномъ для большинства.

Между тѣмъ, *идеи Коменскаго* и теперь, черезъ 200 лѣтъ, свѣжи, новы и глубоки. Читатели «Семьи и Школы» уже знакомы съ ними, и знаютъ, какою проникнуты онѣ гуманностью, задушевною теплотою и вмѣстѣ глубиною, основательностью и практичностью.

Предпринявъ изданіе «Великой Дидактики», редакціи намѣрена дать читателямъ *особую обстоятельную статью* о жизни и трудахъ ея великаго автора; теперь же ограничивается сообщеніемъ лишь немногихъ существенныхъ свѣдѣній объ авторѣ и замѣчаній объ издаваемомъ его твореніи.

Коменскій родился въ Моравіи, 28 марта 1592 г.,—значить, болѣе 280 лѣтъ назадъ. Онъ вышелъ изъ народа; отецъ его былъ простой мельникъ, принадлежавшій къ общинѣ Моравскихъ Братьевъ. Еще ребенкомъ Янъ уже потерялъ родителей и о немъ нѣкому было заботиться. На 16-мъ году онъ только началъ ходить въ школу и учиться латыни. Школы того времени были въ крайнемъ упадкѣ, всюду только и царила латынь и схоластика. Коменскій вынесъ на себѣ не только всю тяжесть невзгодъ ранняго сиротства, но и всѣ истязанія схоластической школы, которую онъ позднѣе такъ безпощадно бичевалъ. Воспоминаніе о потерянномъ школьномъ времени вызывало у него слезы. «Ахъ, какъ часто,—говоритъ онъ,—послѣ того, какъ захотѣлось мнѣ узнать лучшее, воспоминаніе о моей утраченной юно-

*) 200-лѣтній юбилей Коменскаго у насъ праздновался въ торжественномъ засѣданіи Петербургскаго «Славянскаго Комитета», гдѣ г. Мировпольскій говорилъ рѣчь о Коменскомъ и его значеніи въ педагогіи. Рѣчь эта была напечатана въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1870 г., за мѣсяцы сентябрь и ноябрь.